
**К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Л. И. АНЦЫФЕРОВОЙ**

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕСТРЕ

© 2014 г. Г. И. Ларионова (Анцыферова)

Автор открывает для нас яркий живой образ известного ученого Людмилы Ивановны Анцыферовой, а для нее – любимой старшей сестры Людочки. Перед нами предстает ее жизненный путь, увиденный глазами близкого человека: детство, юность, зрелость, последние годы жизни. Это бесценный материал о Человеке с большой буквы, которому ничто человеческое не чуждо. Мы видим, как маленькая шаловливая и любознательная девочка становится исследователем, мыслителем, обладающим даром предвидения перспективных путей развития науки, чьи идеи до сих пор актуальны для многих направлений психологии и успешно разрабатываются новыми поколениями учеников и последователей Л.И. Анцыферовой.

Ключевые слова: Л.И. Анцыферова, жизненный путь ученого, биография, семья Л.И. Анцыферовой.

Мне хочется рассказать о необыкновенном человеке – моей сестричке Людочке Анцыферовой. Прошло еще так мало времени, как ее не стало, и все это время она остается рядом со мной. А мои воспоминания, надеюсь, приблизят ее и к тем, кто их прочитает.

С уходом Людочки из жизни ушла от меня и большая часть нашей родительской семьи, олицетворением которой она являлась, а главное – ушел неповторимый строй ее мыслей, ее глубинная сущность.

Людочка родилась 18 сентября 1924 года в г. Златоусте. Наш папа – Анцыферов Иван Кузьмич, уроженец станицы Нижнеуральской на Южном Урале, мама – Анцыферова Лидия Афанасьевна, коренная жительница г. Златоуста. Папа был авторитарен по отношению к нам, детям, строг и справедлив, мама – нежна и ласкова, но тоже требовательна, и никогда их замечания не противоречили друг другу. Наша бабушка Анна Григорьевна Колкотина вела всё хозяйство и была доброй феей нашего дома. За большие шалости родители нас наказывали, за хорошие поступки хвалили, может быть, чрезмерно, но тем самым они поднимали нас в собственных глазах. Родители наши были жизнерадостными людьми, а когда собирались родственным кругом, то обязательно пели. Людочка унаследовала от мамы прекрасные вокальные данные, и уже в Москве, учась в фортепианном классе, мечтала петь. Но маме очень хотелось приобщить нас к фортепианной музыке, и она очень дорожила нашими фортепианными уроками. Людочка всю жизнь сама пела дома (даже в последний год), ходила на концерты вокальных исполнителей, очень любила оперетту (мы с ней прослушали почти весь репертуар Кальмана).

Людочка была первенцем, любимицей папы. Она росла подвижным, деятельным, своевольным ребенком, быстро развивалась, обладала большим чувством собственного достоинства. Рано, около трех лет, научилась читать, благо книжное “пространство” у нас было просто необозримым. В Златоусте мы жили в большом доме, который выделил нашему отцу металлургический завод, где он работал. В амбаре, стоящем во дворе дома, оказалась уйма книг, среди них были прекрасные детские книги и журналы той поры, а также классическая художественная проза русских и зарубежных авторов.

Людочка быстро развивалась, рано стала ощущать себя взрослым человеком и, будучи пятилетней, негодовала, когда за провинность ее, как маленькую, ставили в угол. Интересная деталь нашего детского быта: мы не играли в куклы – у нас их просто не было. Общение с соседскими детьми было незначительным. Нам, видимо, хватало друг друга и нашего книжного “клондайка”. В общем, мы росли в мире заботы и любви, полные ощущением бесконечного постоянства этого существования.

* * *

Ранней весной 1933 года мы переехали в Москву, куда перевели работать папу. Я совершенно не помню подробностей этого важного события, но сестричка помнит все. Она помнит себя с семимесячного возраста, этому есть много подтверждений.

Нас поселили на территории завода “Серп и Молот” в доме, стоящем недалеко от проходной. Жизнь завода с его незнакомым ритмом, звука-

ми, запахом, непрерывным движением обступала нас. Все многообразие шумов (грохот, удары, свистки) меня не беспокоили, а вот Людочка воспринимала их очень болезненно, но об этом я узнала совсем недавно, когда мы с ней делились воспоминаниями. Детьми в этом окружении мы находили и свои маленькие радости: качались на качелях, а иногда и на больших продовольственных весах, катались на санках и коньках. Весной, когда оттаивали края ледяного “бублика” фонтанной чаши, мы, стоя на подтаявшей льдине, отталкивались шестами и кружили на этой ледяной карусели.

Людочка всегда прекрасно училась, все годы была круглой отличницей, школьные предметы давались ей легко, домашние задания она часто успевала сделать в школе. Педагоги ее ценили, в классе она пользовалась уважением, была открытой, спокойной, охотно давала списывать. В младших классах сестра занималась в драмкружке, а в одном из старших – увлеклась морской тематикой вслед за приятелем из параллельного класса, научилась вязать морские узлы, изучила азбуку Морзе и сигнализацию флажками. Но долговременных дружеских связей у нее с одноклассниками не возникало – слишком разными были интересы и общий уровень знаний. А после 9-го класса почти всех быстро и безжалостно разметала война.

Через два года после приезда в Москву мы поступили также в музыкальную школу по классу фортепиано. Там была совсем другая атмосфера: добра, музыки и общения с интересными людьми. До последних дней мы с Людочкой вспоминали наших учителей музыки. После уроков в общеобразовательной школе Людочка ехала на трамвае (с пересадкой) на урок музыки, а дома еще ждали домашние задания из двух школ. Нагрузка в учебные месяцы была очень большая.

Лето мы, как правило, проводили на даче. Пение петухов по утрам, поход с мамой на Малаховский пруд и купание, чтение лежа на траве, устройство на дереве разбойничьей засады (это называлось у нас игрой в Казаки-разбойники).

Были и паузы в загородном проживании, и лето в городе мы тоже вспоминали с удовольствием. Много гуляли и часто ходили в кинотеатры: мама была большой любительницей кинофильмов. Изголодавшись по зрелищам, иногда смотрели по два фильма в день. Гуляли в Лефортовском парке, любили и ЦПКиО. Он в конце 1930-х годов был умеренно многолюден, аттракционы были разнообразными и по “копеечным” ценам.

* * *

Но вот наступило лето 1941-ого года. Война... Страшная трагедия для Москвы и всей страны. В этот год и последующие было всё: голод, бомбежки, эвакуация и упорный тяжелейший труд всех. Жизнь продолжалась.

1-го сентября 1941 г., придя в школу, мы узнали, что уроков не будет, а через несколько дней нас отправили на уборку картошки. Работали рано повзрослевшие школьники очень добросовестно. К середине октября нас отозвали в Москву.

Уже выпал снежок, а немцы были на подступах к городу. Обрато до станции мы шли пешком, большей частью лесом, наверное, по просеке. Как сейчас, перед глазами стоит тот ясный день, багряные, красные и желтые кленовые листья на зелени, холодное синее небо и группа ребят. Среди них высокий мальчик и тоненькая девочка – моя сестричка. Она была красивой и умной девочкой и многим нравилась. Высокий мальчик был одним из них. Для него, как и для большинства наших мальчиков, эта красивая осень была последней в жизни.

Вернулись в Москву. Она опустевшая, немецкие части совсем близко. Москву бомбили, сирены воздушной тревоги загоняли нас в бомбоубежище – оно было под нашим домом. А нам нужно было искать школу, чтобы учиться дальше. Людочка ее нашла: там были собраны дети из школ, которые закрылись, и в классе не было ни одного знакомого лица.

* * *

В 1942 году Людочка окончила 10-й класс с отличием и получила красиво оформленный золотым и красным кантом диплом. В 1942-м и 1943-м годах медалей в школах не было. Одновременно она посещала какой-то таинственный для меня “Институт мозга”. Я ничего не спрашивала тогда и только недавно все о нем узнала, случайно прочитав. А двумя годами раньше сестричка задала мне вопрос: “Галя, а для чего мы живем?” – чем очень меня озадачила. Дома появился толстенный том Чарльза Дарвина, ею прочитанный. Может быть, это и было началом ее интереса к человеку, его сознанию. Людочка посещала лабораторию, где изучали условный рефлекс на “братьях наших меньших”, согласно теории И.П. Павлова. Нагрузка у сестрички всегда была большая. Спасала и ее, и меня в тяжелые военные годы молодость.

Примерно в те же годы у Людочки сложились деловые и дружеские отношения с замечательной женщиной-ученым Н.Н. Ладыгиной-Котс. Она

подарила сестричке свою книгу, в которой с любовью и нежностью описывается жизнь детеныша шимпанзе Иони, который воспитывался в ее семье как ребенок. Вероятно, теплые отношения с Надеждой Николаевной были продолжением интереса Людочки и ее желания найти ответы на волнующие вопросы.

Эти же надежды возлагались и на физический факультет Московского университета, на который Людочка поступила осенью 1942 года. А в 1943 году прибавились еще и занятия на заочном отделении философского факультета. Одновременно в этот же период она работала в школьных мастерских. А еще надо было заниматься не свойственным горожанам делом – посадкой картошки на выделенных “Наркомчерметом” участках земли в Подмоскowie. У нас их было три. Поэтому в соответствующее время мы всей семьей отправлялись на “полевые” работы.

Поступление в Университет и учеба там – все это шло у сестрички удивительно легко и воспринималось мной как само собой разумеющееся, а ведь это был очень напряженный труд, который был по силам ее незаурядным способностям и быстроте восприятия необходимого. Она все делала быстро – думала, решала, действовала, ела. Все это я поняла и оценила позже.

Примерно в эти годы – начало сороковых – Людочка увлеклась поэзией и стала писать стихи, очень неплохие, многим они нравились. Она продолжала писать их и позже.

Своевольный характер, отличавший сестричку в детстве и юности, оставался таким всю жизнь. Она могла быть озорной, независимой от гимназических правил поведения, хорошего тона, хотя прекрасно их знала, а иногда даже любила эпатаживать окружающих. Я тогда делала “круглые” глаза, а про себя восхищалась.

В 1944 году ушла с физического факультета, оставшись на заочном отделении философского факультета МГУ. В 1945–1946 годах работала на заводе “Серп и Молот” в прокатном цехе. Работа была нелегкой, общая нагрузка большой, организм от скудного рациона ослабел, и очень кстати пришел в 1946 году вызов от папы, который был в командировке в Венгрии. В 1947 году Людочка вернулась в Москву, а в 1948 году окончила заочное отделение философского факультета, несмотря на годовой перерыв в учебе, и поступила в аспирантуру философского факультета на кафедру психологии. В это же время в течение двух лет вела фортепианный кружок в подшефном детском доме в Тушино.

В тяжелые годы военного времени мы все-таки выкраивали свободное время для отдыха. В удобный день выбирались в парк Сокольники. Людочка и я его очень любили. Продолжали любить и Лефортовский парк, который считали своим “домашним”, т.к. он был близко. На скамейках тихой аллеи можно было посидеть, поразмышлять о славной истории этого места, а на пристани взять лодку, пройти на веслах по лабиринту маленьких прудиков и полюбоваться уютom этого уголка.

* * *

Все вышенаписанное – это канва, внешний рисунок сложной внутренней жизни моей сестры. За всеми званиями, степенями, наградами стоит человек со своей внутренней жизнью, со многими противоречивыми чертами. Моя сестричка – человек очень сложный, умный, целеустремленный, с твердым характером, преданный своей любимой науке, с обширным знанием смежных наук и глубоким интересом к еще неизведанному.

В работе она всегда была полна внутреннего напряжения в поиске правильного решения. Я, человек далекий от психологии, чувствовала это и видела борьбу вариантов по обилию быстро выбрасываемых около письменного стола листов. Дороги в Ленинскую и Историческую библиотеку были протоптаны основательно. Они были ее вторым домом.

Она очень ценила время и была нетерпима к пустословию и беспричинной праздности. Была щедрой, но не расточительной, была бережливой, так как это было в традициях семьи скромного достатка, где все были “рукодельны” и уважали чужой труд. В еде не была взыскательна, но любила вкусно приготовленное. Когда к ней приходили гости, то умела вкусно приготовить и обильно накормить.

Часто покупала вещи для своего гардероба, любила яркие цвета, иногда говорила, что у нее цыганский вкус. А вообще в покупках была умеренна, но то, что было действительно необходимо, покупала безоговорочно. Только при покупке книг она была неудержима. Понравившиеся ей книги – и профессиональную, и художественную литературу – самозабвенно до внутреннего волнения и дрожи подбирала и читала, читала, наслаждаясь. Мы были счастливо воспитаны на хорошей литературе.

У Людочки было нежное сердце и эмоциональный настрой. Она трогательно ухаживала за родителями и всегда опекала меня. И если

возвратиться к началу начал – нашему детству и родителям, то именно тогда мы получили первые уроки трудолюбия, любви к семье, природе, миру, понимания добра и зла.

Хочу сказать о моем отношении к психологии. Я с большим уважением относилась к работе Людочки, но не читала этих “мудрых” книг. При поверхностном взгляде они казались мне непонятными и скучными. Много изменилось, когда я переехала к моей сестричке из-за ее болезни. В те три года мы много разговаривали, иногда перебирали книги с ее полок, я прочитывала

заглавия, заглядывала внутрь. Мне становилось интересно и, в конце концов, душа моя дрогнула. Я искренне привязалась к этой науке и считаю ее необъятной и захватывающей областью исследования.

Я очень горжусь моей необыкновенной сестричкой, она помогает мне жить и сейчас своей добротой и мудростью. Жаль, что мои воспоминания о ней неполны, отрывочны, о многом еще не удалось рассказать. Я писала их с болью об ушедшем и радостью возвращения ко мне на короткое время золотого сияния тех дней.

MEMORIES OF SISTER

G.I. Larionova (Antsyferova)

The author describes brilliant lively image of Ludmila Ivanovna Antsyferova – well-known scientist for us and beloved elder sister for her. Her course of life: childhood, youth, maturity, last years of her life appears before us in the eyes of immediate relative. It is an invaluable information about a Person from a capital letter to whom nothing human is alien. We see how little playful and curious girl becomes a researcher, thinker with a gift of prevision of prospective ways for science’s development; her ideas is still actual for many branches of psychology and are developed by new generations of L.I. Antsyferova’s pupils and successors.

Key words: L.I. Antsyferova, scientist’s life course, biography, L.I. Antsyferova’s family.